

Е. ГЕРАСИМОВ

ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1943

Е. ГЕРАСИМОВ

ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ
ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Редактор С. Андреев

Подписано к печати 16/X 1943 г.
$^{3}/_{4}$ печ. л. (1,3 уч.-изд. л.). 37 800 зн.
в печ. л. Л69405. Тираж 50 000.
Заказ 1403. Цена 35 коп.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва,
ул. Фридриха Энгельса, 46.

★

Казаки спорили, откуда родом их командир: с Дона, Кубани или Терека, а когда узнали, что Доватор вовсе и не станичник, что родился он в белорусском селе, на Витебщине, кто-то сказал:

— Ну, так что ж! Не по рождению, так по душе, а все-таки наш — казак!

И верно, по характеру Герой Советского Союза генерал-майор Лев Михайлович Доватор, сын белорусского крестьянина, был истинно казак — горячий, стремительный, безудержно смелый. Еще в юности, мечтая о воинской славе, Доватор говорил:

— Жизнь короткая, а слава долгая.

Он прослужил в кавалерии восемнадцать лет: был кладовщиком при штабе, химинструктором, командиром взвода, политруком эскадрона, комиссаром, начальником штаба полка, бригады, окончил академию имени Фрунзе, слыл способным штабным и политическим работником, но только война обнаружила его истинное призвание, его богатый воинский дар. Он был одним из тех, кто рожден для войны, чей талант расцветает только в сражениях.

★

Впервые на войне казаки встретились с Доватором в лесах, западнее города Белый. Здесь в начале августа 1941 года было сосредоточено в резерве нескольке

недавно сформированных казачьих полков. Из этих полков создавалась отдельная кавалерийская группа (впоследствии корпус). Командующим группой был назначен Доватор, тогда еще полковник.

Небольшого роста, очень подвижной, он выделялся среди приехавших с ним штабных командиров юношеской свежестью лица и строевой молодцеватостью. Речь, жесты, движения — все было у него резкое, быстрое, запоминающееся. Разговаривая, он смотрел чуть искоса, вздернув плечо и склонив голову. Казалось, что он заметил какой-то непорядок и сейчас вспылит. Все невольно оглядывали себя.

Знакомство его с конниками началось с того, что он выгнал из штаба одного неряшливо одетого командира:

— Кругом марш! Приведите себя в порядок.

Пришел другой командир, назвал себя майором, а знаков различия у него не было.

— Откуда это видно, что вы майор? Где ваши знаки различия? И что вы за майор, если не дорожите честью носить майорские знаки различия?

— Воевать будем по-настоящему, — говорил он, знакомясь с казаками, — смерти не бояться. Она и дома за спиной ходит. Споткнешься о порог, и голову разобьешь. Помните, что один казак может навести панику на сто немцев.

Нашлись среди казаков и старые сослуживцы Доватора. Один узнал в полковнике своего бывшего командира взвода, с которым на Кубани, в лагерях под Майкопом, как-то пришлось долго выхаживать вместе заболевшую кобылу. Другой вспомнил Забайкалье, кавалерийское состязание в Даурии, заготовку саманных кирпичей для казарменных построек, тревоги в пограничных районах.

За восемнадцать лет службы в кавалерии, где только не побывал Доватор, чего только не научился делать!

— Знаете, как быстро оборвать провод?—спрашивает

командующий, объезжая эскадроны. Он поднимает с земли камень и привязывает его к концу веревки. Мгновение — и камень уже раскачивается в воздухе на накрепко замотанной вокруг телеграфного провода веревке. Доватор бросает коня вперед, веревка, привязанная другим концом к седлу, натягивается, как тетива, провод звенит и лопается.

— Ловко,—говорят казаки и пробуют сделать то же.

В первый же день командующий научил казаков многому, пригодившемуся им на войне. Показал, как делать рогатки, как разбрасывать их по дорогам, чтобы они прокалывали камеры немецких автомашин; велел металлические части уздечек обернуть тряпьем, чтобы не звенели; жеребцов приказал не брать в поход, чтобы они своим ржанием не выдали движения конницы.

Он требовал, чтобы все делалось быстро, и сам, несмотря на свой небольшой рост, ходил так, что его можно было догнать только бегом.

Конная группа готовилась к рейду в тыл врага. На подготовку было дано два дня, а Доватор приказал сделать столько вещей, столько разных мелочей, о которых раньше никто и не думал, что, казалось, и за месяц не управишься. Для перевозки станковых пулеметов он велел приготовить специальные вьюки. Их никто не умел делать. «Сделать—изобрести», сказал Доватор. И казачьи бивуаки стали похожи на мастерские: все что-то строгали, сколачивали, изобретали.

Изобрели, показали. Командующему вьюк не понравился:

— Тарахтит.

Показали другой. Тоже не понравился:

— Коня испортит.

Третий изобрели. Опять плох:

— Сборка канительная.

Наконец сделали то, что нужно было.

Готовясь к рейду, набивали патронами и сумки и кар-

мапы, подвешивали и ...
танковых гранат, запасались зажигательными буты
ками, — командующий приказал выдать всего этог
каждому бойцу столько, сколько он может взять.

К исходной позиции для прорыва фронта можн
было двигаться дорогой. Но Доватор сказал, чтобы
дороге и не думали. Он повел свои полки лесной чаще
торфяными болотами.

Темной ночью 14 августа втянулись эскадроны в ле
и вскоре конникам пришлось спешиться, итти цепочкам
по чуть пробитым тропинкам. Темень была такая, чт
казак своего коня не видел; шли, держась одной рук
за повод, а другой — за хвост лошади впереди идущег
товарища.

Доватор вел свою группу вдоль фронта. Немцы был
в нескольких километрах; моторы немецких разведыва
тельных самолетов непрерывно гудели над лесом, н
советская конница прошла, не замеченная врагом. Дова
тор провел свои полки там, где раньше разве что охот
ник пробирался. Он шел впереди, то и дело оборачивал
ся, смеясь спрашивал:

— Ну как, казаки?

И не привыкшие к лесу казаки весело шли за ним
напролом: прорубали себе путь в чаще топорами и клин
ками, настилали гати через непроходимые топи.

— Вот и искупались, — шутил то один, то другой
вылезая из болота и вытаскивая из него провалившегос
по брюхо коня.

После трехдневного марша под носом немцев конна
группа, форсировав на плотах реку Межу, скрытн
вышла на исходные позиции в район деревни Филино, н
Духовщине. Доватор приступил к разведке боем н
широком фронте. То тут, то там скрывавшиеся в леса
казаки наскакивали на немцев, наводили панику, узна
вали, что нужно, захватывали «языка» и снова исчезал
в лесу.

Выбирая место для прорыва фронта, Доватор нацеливался спокойно, неторопливо.

Пять дней он собирал сведения.

Удар решено было нанести между деревнями Устье и Подвязье. Накануне атаки командирская разведка во главе с Доватором подобралась так близко к переднему краю обороны противника, что и невооруженным глазом видно было, что делается у немцев. Здесь занимали оборону части 6-й немецкой армии, той самой, которой предстояло позорно закончить свое существование под Сталинградом. Немцы разгуливали у блиндажей, как у себя дома, а в это время в нескольких стах метрах от них на опушке леса стояли две дивизии казаков, готовясь к удару.

Атака была назначена на 4 часа 30 минут 23 августа.

Утро выдалось очень туманное. Построив все свои расчеты на внезапности, Доватор приказал артиллерийской подготовки не производить. Он послал вперед два спешенных полка. В молочно-белой мгле бесшумно, как тени, казаки подобрались к немецким укреплениям и забросали их гранатами. Атака была совершенно неожиданной для врага. Первая линия укреплений между деревнями Устье и Подвязье была взята почти без выстрела. Немцы удирали в одних кальсонах.

Ворвавшись в деревню, казаки нашли здесь много висящих на плетнях автоматов. Немцы в панике забыли про них. Захватив эти автоматы, казаки продолжали преследование.

Вслед за спешенными полками двинулись остальные в конном строю. Доватор покинул свой командный пункт на опушке леса и сам повел казаков в бой. Бой разгорелся в глубине обороны и на флангах, куда немцы бросили группы танков, пытаясь сомкнуть разорванный уже фронт. Вместе с казаками командующий мчался карьером, вместе с ними, когда враг огрызался, спешивался,

делал перебежки, полз по-пластунски. Увлекшись бое он подчас излишне рисковал собой. Когда ему говори об этом, он отделывался шуткой:

— Я маленький, в меня пуля не попадет.

Подзадориваемые Доватором, казаки дрались с о чаянной дерзостью. Против эскадрона, прикрывавше левый фланг, немцы бросили около десятка танко Командир эскадрона, молодой кубанец, принял атаку конном строю. «Бутылки в руки, шашки к бою!» скома довал он. Рванувшись на танки, казаки подожгли буты ками с горючей жидкостью четыре машины, остальны танки обратились в бегство.

— Где это видано, чтобы конь на танк ходил? — ск зал Доватор, подскакав к командиру эскадрона.

По тону голоса это был выговор за лихачество, н по улыбке командующего видно было, что он не може сердиться на лихого кубанца.

— Положение такое, товарищ полковник. Они нас речке прижали... — оправдывался командир эскадрона.

— Потери есть? — перебил Доватор.

— Ни одного.

— Тогда хорошо. Дерзко, но хорошо.

Фронт немцев был прорван на несколько километро в ширину. По приказу Доватора остававшиеся в лес коноводы погнали коней вдогонку за спешенным полками.

— Давай, давай, орлы! — восторженно кричал Дова тор, когда коноводы, стоя в стременах, лихо проносилис мимо него.

Командующий залюбовался конями. Они мчались п зеленой луговине такой плотной золотисто-рыжей мас сой, что не видно было мельканья копыт.

Немецкая артиллерия открыла ураганный огонь, но было уже поздно: кони, проскочив открытую луговину скрылись в лесу.

★

На другой день Доватор находился уже далеко, по ту сторону фронта. Его полки открыто, несколькими походными колоннами шли проселками и деревнями. Местность была опустошена врагом. Встречались виселицы и сожженные дома. Не раз, останавливая голову колонны у какого-нибудь придорожного дерева и показывая на повешенного колхозника, командующий говорил:

— Запомни это, казак! Все сердце вкладывай в руку, когда рубишь козявок.

«Козявками» он называл немцев, и слово это произносил с невыразимым презрением. Еще одно слово было у него, которым он называл немцев и которое произносил с таким же презрением, но оно относилось уже к мертвым.

— Закопать эту заразу,— говорил он колхозникам, показывая после боя на трупы немцев.

Других слов для немцев не находил: живые — козявки, мертвые — зараза.

Немцев точно ветром сдуло. Открытое смелое движение казачьих колонн породило у охваченного паникой противника преувеличенное представление о численности прорвавшейся советской кавалерии. Захваченные казаками пленные показали, что ходит среди немцев страшный слух, будто прорвалось сто тысяч казаков, хотя командованием объявлено, что прорвалось всего восемнадцать тысяч.

На самом деле у Доватора было всего несколько тысяч бойцов. Он потом часто смеялся:

— Я же говорил, что один казак наведет панику на сто немецких козявок. А вот прикажу всем казакам усы отпустить — еще страшнее будут.

И он несколько раз не то шутя, не то всерьез приказывал казакам отпустить усы.

Его спрашивали:

— А вы, товарищ полковник, что же сами не отпустите усы?

— Рыжие у меня, некрасивые, жена любить не будет,—говорил он, смеясь. — Будь черные, обязательно отпустил бы. Немец только увидит усы и кричит уже, как будто его режут: «Казакен!..» Боятся проклятые козявки казачьего уса.

Как только немцы, оправившиеся от первого испуга и убедившиеся, что они очень преувеличили численность советской кавалерии, стали стягивать силы, чтобы перехватить казаков на дороге, Доватор опять свернул в лес, далеко тянувшийся на север и запад.

— Попасемся на ягодах, — шутил он. — Полюбуемся лесными видами, послушаем щебет птиц.

Для казаков, выросших на юге, в степях, все в этой труднопроходимой лесной и болотистой местности было новостью, а командующему все тут напоминало родной Лепельский уезд, те времена, когда он был вожаком сельских комсомольцев. И там такая же ель, сосна, осина, обросшая серебристым мхом вековая береза, такие же пушистые, податливые под ногой кочки, тот же прелый грибной запах. По этим лесам можно было добраться до самого Хотина, до тех заветных мест, где в детстве бродил он с самодельным ружьем, где несколько лет спустя с наганом в руке во главе отряда комсомольцев выслеживал кулацкую банду.

Теперь он вел с собой в родные леса конные полки, и враг метался, тщетно пытаясь преградить ему путь.

Немцы поджидали Доватора в тех местах, где он, по их расчетам, должен был пересечь дорогу, но он всегда выходил там, где его никак нельзя было ожидать.

Впереди шли партизаны, взятые Доватором в проводники. Одетые в крестьянскую одежду, они ходили с уздечками через плечо и будто бы разыскивали пропавших коней.

За ними двигались казаки, в затылок друг другу, в труднопроходимых местах ведя коней в поводу. Сквозь лесную чащу отряды шли параллельными путями.

Марши совершались ночью, в совершенной тишине,— разговаривать разрешалось только шопотом. Днем казаки неожиданно появлялись в разных местах небольшими группами.

Засады, залегшие у дороги, гранатами и зажигательными бутылками уничтожали обозы, автоколонны немцев.

Отряды казаков занимали деревни, перехватывали дороги, ведущие к фронту, прерывали по ним движение.

Эскадроны, отличавшиеся дерзостью, молодецкой удалью, Доватор посылал в налеты на немецкие гарнизоны и штабы.

Днем, обычно в обеденные часы немцев, то в одной, то в другой деревне раздавался истошный вопль:

— Казакен!

Точно из-под земли выросшие, казаки мчались по улице, рубя направо и налево бегущих с котелками солдат. Приготовленный немецкими поварами обед доставался казакам. Пообедав, они исчезали так же стремительно, как и появлялись.

В один из лихих налетов казаки разгромили штаб немецкого полка. Было захвачено много трофеев и секретных документов, в числе их приказ немецкого командования, требующий немедленного уничтожения прорвавшейся в тыл группы Доватора. Приказ был датирован двадцать пятым августа, а двадцать шестого он уже лежал в кармане Доватора.

Фашистское командование назначило за голову Доватора крупную денежную награду. Для поимки его были созданы специальные отряды.

Как-то в штаб Доватора, находившийся в лесу, в большом шалаше, сложенном из еловых ветвей, партизаны привели для допроса захваченного ими в плен

немецкого офицера. На вопрос, какая задача была поставлена его части, пленный ответил:

— Нас послали поймать генерала Доватора.

— Генерала? — с оживлением переспросил Доватор. — Слышите? — Он подмигнул находившимся в шалаше командирам.

— Да, генерала Доватора, казачьего атамана.

— Атамана?

Доватор был очень доволен. Он вскочил и подбежа к пленному:

— А вы знаете, кто я?

— По знакам различия — вы полковник...

— Я и есть тот самый Доватор, и не вы поймал меня, а я вас!

Пленный онемел. Вероятно, он представлял себ Доватора каким-то чортом, выскакивающим из болота И вот этот «чорт» стоит перед ним, заложив за спин руки, вздернув плечо, и кричит по-немецки и хохочет.

Немецкие бомбардировщики кружились над лесом, но лес простирался на такое расстояние, был таким дремучим, что нечего было и думать обнаружить в нем Доватора. Немцы швыряли бомбы наобум, как слепые, и бомбы не причиняли никакого вреда.

Все дальше и дальше разносилась по селам весть о том, что много казачьих полков гуляет по лесам и что казаки заодно с партизанами громят немецкие гарнизоны. И крестьяне из тех деревень, где Доватор еще не был посылали к нему в лес ходоков. Партизаны проводили их к Доватору. Ходоки говорили ему, что у народа нет уже сил терпеть немецкие злодейства, и от всего крестьянского мира просили послать в их деревню казаков чтобы вместе немцев прикончить.

Прискакали казаки в одну деревню, а немцев там нет, на улице ребятишки веселые.

— Где фрицы-козявки? — спрашивает командир.

— А их, дяденька, уже прикончили.

— Кто?
— Известно кто — бабы.
— Как?
— Очень даже просто — вилами.

Оказалось, что колхозницы, как только услышали о казаках, сразу же взялись за вилы — и по хатам. Ни один немец не выскочил на улицу.

Километров сто прошел Доватор в тыл немцев, разрушая линии связи, взрывая мосты, громя немецкие автоколонны, истребляя мелкие гарнизоны по селам, а потом его нагнал краснозвездный самолет, сбросивший вымпел с приказом возвращаться назад, и Доватор повернул свои полки.

Немцы давно уже поджидали возвращения казаков. Они соорудили укрепленную полосу: настроили блиндажей и завалов, преграждавших все подходы к фронту. Узнав, что казаки двинулись назад, немецкое командование было совершенно уверено, что теперь-то Доватор будет пойман «в мешок». Но Доватор и на этот раз перехитрил немецких генералов. Он повел свои полки к фронту тем же путем, каким вел их в тыл врага. Такой дерзости немцы никак не ожидали. Они ждали казаков на всех дорогах, но меньше всего там, где казаки уже проходили.

2 сентября вся конная группа Доватора, преследуемая только артиллерийским огнем, проскочила знакомую уже луговину между деревнями Устье и Подвязье и вернулась на исходные позиции.

Доватор велел поварам готовить праздничный обед и по старинному казачьему обычаю обнести всех чаркой водки, особенно же позаботиться о плясунах и гармонистах.

★

В первых числах октября, когда немцы перешли на Западном фронте в решительное наступление с целью захвата Москвы, коннице Доватора, получившего уже

звание генерал-майора, от стремительных марш-маневр... и дерзких налетов пришлось перейти к обороне.

После непродолжительного, но ожесточенного сраже... ния на реке Меже, где казаки сорвали все попытки нем... цев организовать переправу, Доватор вел сдерживающи... бои на шоссе Белый—Ржев, прикрывая отход советски... войск на Волоколамск.

Как и в рейде, он действовал смелыми наскоками... Зайдет с фланга, врежется в боевые порядки немцев... сомнет их, быстро отскочит и ударит в другом месте... Так сбивал он темпы немецкого наступления, срыва... планомерность его, бесконечно изматывал рвавшегос... вперед врага.

Храбро дрались казаки. Но положение на фронте было такое, что отступать все-таки приходилось. Свертывались дивизии Доватора в походные колонны, двигались на новые рубежи, чтобы опять наскочить на немцев с фланга, и вот где-нибудь в деревне встречали казаки своего генерала.

Другой раз, кажется, и нечего ему уже здесь делать — штаб выехал, телефонисты смотали провода, а он медлит, будто не может решиться покинуть эту русскую затерянную в лесах деревушку: стоит у околицы в мокрой от дождя бурке, и рядом его коновод Акопян держит на поводу двух рослых коней.

Налетит немецкая авиация. Конники скроются в лесу... Горят хаты, а Доватор все стоит, задумавшись, потом не спеша идет по безлюдной улице, выбирая где посуше, а Акопян ведет за ним коней. Рядом рвутся бомбы, взрывная волна сносит изгородь, мимо которой только что прошел генерал, но он даже не оглянется.

— Эх, хорошо бы молочка выпить! Ведь мы с тобой, Акопян, сегодня еще не обедали.

— Молока нет, а хлеба покушайте. Вот, — говорит Акопян, вытаскивая из кармана припасенную на случа... горбушку.

Приезжает кто-нибудь из казаков.

— Товарищ генерал, немцы уже у деревни.

— Пусть дивизия отходит, а мы с Акопяном прикроем ее, — говорит Доватор и смеется. — Правда, Акопян, прикроем?

Акопян, бывший чистильщик сапог, полюбившийся Доватору за храбрость и хладнокровие еще во время августовского рейда, отвечает без тени улыбки:

— Прикроем, товарищ генерал!

В конце октября Доватор прочно занял оборону по реке Ламе, от Яропольца до Московского моря. Первая волна немецкого наступления спала. Враг подтягивал силы, готовясь к новому прыжку вперед.

Тут можно бы и передохнуть после тяжких боев, да не в натуре казака отсиживаться в окопах. Посидели в обороне день-другой, отоспались; видят, что немец притих, и заскучали конники, запросили работы. И Доватора словно встряхнул кто-то, словно с плеч упал давящий груз.

Примчится на забрызганной грязью машине в штаб армии:

— Ну что, долго еще прикажете сидеть нам? Казаки-то ведь заскучали уже.

Вернется к своим казакам оживленный, веселый, крутится на коне, точно сырая осенняя земля жаром пышет под ним.

— Куйте, кубанцы, коней, куйте, донцы, карачаевцы! Будет вам нынче всем работёнка!

Любил подзадорить людей, знал, как задеть казака за живое. Вызовет к себе командира полка, бывалого рубаку-кубанца, накинется:

— Козявки у вас под носом лук едят, картошки навозили целые горы, а вы спите! Не узнаю кубанцев! Забрать нынче ночью все, что немец навозил; не заберете — карачаевцам работку дам.

И кубанцы шли в ночной налет, опустошали немецкие

склады, увозили целые обозы награбленных немц картошки и лука. Однажды они прихватили и пару под тых при налете фашистских танков. Тянут их на кон тяге, да вот беда — не могут кони перетянуть та через речку! Сконфужены казаки. А Доватор уже т благодарит, смеется.

— Молодцы, кубанцы! А что танки не вытянуть не беда: кони все-таки...

Другой эскадрон бывало вернется из налета или за ды бесславно побитый. Приезжает Доватор, спрашива

— Кубанцы?

— Карачаевцы, товарищ генерал. Все карачаевцы.

— А я уже думал: неужели мои кубанцы с нос остались?..

Хмурятся карачаевцы, молчат.

— В детстве дрались?

— Дрались.

— И не обидно было, когда вам за ворот наложа

— Конечно, обидно, товарищ генерал.

— Ну вот. Немцы вас, карачаевцев, побили, а молчать будете?

И карачаевцы доказывали, что не уступят они кубанцам, ни донцам.

Началось второе, ноябрьское, наступление немцев Москву. На Волоколамском направлении враг делал чаянные усилия, чтобы прорваться к Истринскому вод хранилищу и выйти на ближние подступы к столице. корпус Доватора, прикрывавший шоссе Волоколамск Москва, навалилось несколько танковых и пехотн дивизий немцев.

На больших лесных полянах у горящих деревень заки зарывались в землю, обкладывались бутылками горючей жидкостью и гранатами, поджигали один неме кий танк за другим, но из-за леса сквозь дым и копо двигались новые панцырные колонны. Казалось, нет конца...

У кого-нибудь дрогнет сердце. Прискачет на команд-
ный пункт к Доватору взволнованный, бледный командир:

— Товарищ генерал, разрешите доложить!

Докладывает, что казакам трудно, что навалилось на
них очень много немцев, много танков.

— Вот и хорошо, — говорит Доватор, не отрывая
глаз от бинокля. — Много — значит, есть кого бить.

Ему докладывают, что держаться все-таки трудно,
что фронт очень большой, а казаков мало. Он говорит:

— Один казак на версту останется, а с рубежа не
уйдем.

Вклинившись в оборону корпуса, танковые колонны
немцев угрожали выходом на шоссе, по которому из
Москвы на помощь казакам подходили колонны машин
«Т-34», шли мощные «КВ».

— Добрые кони! — говорит Доватор, встречая тан-
кистов.

На село Язвище, где стоял штаб Доватора, двига-
лось шестнадцать немецких танков, прорвавшихся в глу-
бину обороны корпуса. Против них вышло четыре со-
ветских «Т-34». Вдруг на улицу села откуда-то ворвал-
ся «КВ». Доватор подскочил к нему на коне.

— Стой! Куда?

— Ищу штаб генерала Доватора, — доложил коман-
дир танка.

— Я — Доватор. Чего тебе?

— Приказано выручать.

— Кого выручать?

— Вас, товарищ генерал, и штаб.

— Сами себя выручим, а тебе вот дело есть. Видишь
шестнадцать танков? Подбей четыре.

— Есть, товарищ генерал. Приказано подбить
четыре.

«КВ» помчался на окраину села. За ним — два всад-
ника в бурках: Доватор и неразлучный с генералом Ако-

пян. Сильные кони не отстают от машины. Вот «КВ» выскочил из села, остановился в поле и с первого выстрела подбил один из идущих на село немецк танков.

— Видишь, что делает? — закричал Доватор. — Н молодец, чорт! Как думаешь, Акопян, подобьет четыр

— Подобьет, — отвечает немногословный коновод

Второй снаряд не попал в цель, но третий вознагр дил Доватора: у фашистов была подбита еще од машина.

Рвутся снаряды немцев. Осколки свистят вокруг Д ватора, остановившегося с Акопяном на окраине сел

По улице скачет штабной командир.

— Товарищ генерал, «КВ» и снарядом не пробьеш а вот вы все-таки не в броне.

— Отвяжись! — кричит генерал. — Не уйду, по он не подобьет четвертый танк. Попал! Смотр смотри — горит! Ну и молодец!

Казачьего генерала, покрытого широкой черной бу кой, часто можно было увидеть среди танкистов. С любил поговорить с ними, особенно с теми, которы возвращались из разведки. Этих он никогда не пропу кал мимо. На глухом проселке подстережет, чтоб узнать что-нибудь новое о противнике, проверить сведе ния, добытые конниками.

Разговаривая с танкистами, иной раз вдруг разгор чится:

— Да знаете ли вы, что для меня танк? Понимает тут идет немец, а тут ваши танки, тут мои конники. Д мы вместе так его рубанем!..

★

В конце ноября корпус Доватора был переброшен п зимнему бездорожью на Солнечногорское направлени Казаки встали на пути врага в районе Крюкова. Немц напрягали последние усилия, чтобы пробиться

Москве, стремились оттеснить Доватора от магистрали, прорывались в тыл. Количество советских танков на фронте увеличивалось с каждым днем; казаки привыкли уже драться бок о бок с танкистами. И когда, измотав немцев под Крюковым, получили казаки приказ перейти в наступление, целые эскадроны смело пересели с седел на открытую броню. Кроме положенного бойцам танковых десантов оружия, казаки прихватили с собой и шашки.

— Клинок — он как игла: для него всюду бывают дела, — смеялись казаки, залезая на танки.

Пришла пора веселой работы для конников Доватора, как раз в эти дни получивших за стойкость и доблесть гвардейское знамя. Довелось-таки казакам после тяжких боев, неравных схваток в пешем строю опять, как в августе, погулять на просторе. Корпусу был дан приказ выйти в район Кубинки, чтобы совместно с танковой бригадой отрезать пути отхода противника на Волоколамск и Рузу.

Сто пятьдесят километров прошла казачья конница по проселкам, занесенным глубоким снегом, пока Доватор, торопившийся войти в прорыв, разрешил казакам размяться и отогреть ноги. Остановились в лесу, на просеке. Тут бы развести костры да заснуть в снегу, но генерал созвал командиров частей и сказал:

— Вижу, что люди устали и кони устали. Я сам устал. Но, товарищи, не могу дать отдыха ни коням, ни людям, ни самому себе: немцы бегут, а мы должны перерезать им пути-дорожки.

Не прошло и получаса, как по лесу разнеслась команда:

— По коням!

Забушевала метель, заносы задерживали машины. Кони хотя и вязли в снегу, но обгоняли танки. Доватор приказал не ждать танков — догонят! Он с хода сбил прикрытие немцев на северном берегу Москва-реки

между Власово и Марьино и торопился занять село Го-
бово, чтобы выйти на дорогу, параллельную той, что б
ла запружена отступающими немецкими войсками. Е
очень беспокоило, что немцы отступают быстро. (
боялся, что не успеет зайти им в тыл, что прокляты
«козявки» улизнут, что казакам придется потом «висе
на хвосте» противника. Когда ему донесли, что дивиз
полковника Плиева, наступавшая на Горбово, обстрел
на из деревни Терехово, где укрепился какой-то неме
кий батальон, он приказал не обращать на этот батал
он никакого внимания, двигаться вперед как можно бы
стрее.

— Не связываться! И без вас найдется кому дор
бить... Тавлиев, слышишь: для твоих казаков работён
есть в Терехове.

Полковник Тавлиев пошел на Терехово, и немца
стало здесь так жарко, что, бросившись от казаков в ле
они бросали на ходу ранцы, винтовки.

К Доватору примчался самый горячий в корпусе по
ковник Картавенко, всегда очень обижавшийся, есл
кто-нибудь, а не он получал работу. Увидев, что надела
Тавлиев, Картавенко страшно взволновался.

— Не горячись, Андрюша,—сказал Доватор.—Гляк
на карту. Видишь этот пункт? Стой тут, и работа буде

Вскоре Плиеву пришлось туго: немцы сильно укреп
лись в Горбове. Тогда Доватор сам вызвал Картавенк

— Где мы будем ночевать, где будем ужинать?

— В Горбове, товарищ генерал.

— В Горбове, Андрюша. Я тоже думаю, что обяз
тельно в Горбове. Там и светло и тепло, а тут невозмож
но: Тавлиев весь лес завалил немецкими трупами. Т
что, друг мой, приготовь ужин в Горбове, а я Плиев
скажу, чтоб он не беспокоился: Андрюша не подведет.

Картавенко зашел в тыл Горбова, спешил казаков
лесу, выскочил с ними на зады села и минут чер
десять сидел уже в теплой хате и писал записку:

«Товарищ генерал-майор, мой командный пункт в ...рбове, прошу ужинать. Посылаю к вам двух немец-...х офицеров. Я с ними разговаривать не умею, а вы ...еете».

Получив эту записку, Доватор ответил:

«Спасибо, Андрюша. Поужинать, конечно, хорошо бы, ...о я забыл тебе сказать, что нужно еще взять Петрово. ...ам уж и поужинаем. Так что торопись, Андрюша. Слы-...ал я, что немцы тоже хотят ужинать в Петрове».

Картавенко понял, что тут мешкать нельзя, а то ...устишь хорошую работу. Он посадил один полк на ...ней и прискакал в Петрово как раз в самую пору: ...другой стороны к селу подходила немецкая автоко-...нна.

Неожиданно атакованные казаками водители и сол-...ты охраны, выскочив из машин, бросились по глубо-...му снегу в лес. До опушки добралось только несколько ...мцев, остальные были зарублены в поле. В лесу каза-...м пришлось спешиться, но они все-таки догнали убе-...вших.

Только закончилось побоище у Петрово, как разведка ...ставила Доватору перехваченный у противника приказ, ...которого явствовало, что попавшие «в мешок» части ...й немецкой дивизии намереваются на рассвете про-...ться к Рузе. Доватор сейчас же вызвал к себе коман-...ра приданной ему танковой бригады подполковника ...акова:

— Немцам приказано прорваться на рассвете, а я при-...ываю уничтожить их до рассвета. Кони устали. Бери ...аков и сажай их на танки.

Немецкие части, готовившиеся к прорыву кольца ...ужения, были разгромлены.

Корпус безостановочно продвигался дальше, к тому ...ту, откуда шли дороги на Волоколамск, Рузу, Кубин-

ку, громя мечущиеся колонны машин и удирающую арти-лерию немцев.

В селах Денисиха и Сафониха немцы успели укрепи-ся. Доватор опять послал вперед танки с десанта- Только танки ворвались в Денисиху и спешившиеся д-сантники начали горячий бой, выбивая засевших в дом и блиндажах немцев, как на помощь им явились конни- атаковавшие деревню одновременно с трех сторон.

Спустя два часа после занятия Денисихи придани- корпусу танки выбили немцев и из Сафонихи. Здесь Д-ватор поймал в ловушку остатки разгромленной 78-й немецкой дивизии. Отступая из Сафонихи, нем- увидели вдруг заходящих им в тыл казаков. Это бы- эскадроны Тавлиева. Немцы шарахнулись в сторону наткнулись на разворачивавшиеся для атаки эскадро- Плиева. Тогда, поджигая свои машины, взрывая танки пушки, противник устремился в панике к лесу, но опушке леса немцев поджидал уже Картавенко.

После боя, закончившегося полным уничтожени- 78-й немецкой дивизии, Доватор приехал в Сафони- собрал крестьян и, показывая на отбитые у нем- повозки с награбленным имуществом, сказал:

— Вот что, граждане: это все ваше, вы и бери- себе, а потом займитесь фрицами, которых казаки мои - гнали голыми в лес. Эти козявки пляшут там на мо- зе, но мне некогда возиться с ними. Зачем казак- шашки тупить, если мужики сами управятся с кольям- У казаков впереди еще много работы.

По тридцать километров в день проходил Доват- преследуя по пятам бегущих от Москвы немцев. - то и дело выскакивал вперед с коноводом и адъ-тантом. Казаки говорили танкистам, что их генера- можно встретить у блиндажа, из которого нескольк- минут назад вели огонь немецкие пулеметчики, - разведчики встречали его вдруг выезжающего - оврага, и он говорил им:

— Опоздали. Мы с Акопяном этот овражек уже раз-
али.

19 декабря передовые части корпуса подошли к реке
за. Доватор со своим штабом ехал в голове дивизии
ковника Тавлиева. Выскочив на гребень против дерев-
Палашкино, генерал увидел большую колонну нем-
в, двигавшихся с артиллерией по шоссе на запад.

— Выйдем им в голову и всех заберем, — сказал он,
ращаясь к Тавлиеву и показывая на западную окраину
ревни.

Он первым выехал на тот берег Рузы. Вдруг артил-
рийский залп противника накрыл центр дивизии. Тав-
ев скомандовал: «К пешему бою!» Коноводы пошли на
рьере в лес. Доватор спустился со своим штабом под
кос, но вскоре опять взбежал наверх. Артиллерия про-
вника задерживала продвижение Тавлиева. Немцы
гли ускользнуть. Доватор загорячился. Он послал к
влиеву одного из своих штабных командиров, велев
редать, чтобы дивизия скорее преодолела открытое
остранство.

— Скажи Тавлиеву, что я жду его на правом фланге
лашкина. Я пройду туда через лес.

★

Открытым полем, проваливаясь по колено в снег,
жит усатый казак.

— Генерал! — кричит он. — Генерал!

И по берегу Рузы от одного казака к другому пере-
ся весть о том, что случилось что-то с их генера-
, и, не зная еще, в чем дело, но предчувствуя беду,
зу изменялись казаки в лице и бежали к опушке леса
рыто, не маскируясь, под ураганным огнем врага.

— Где, где? — кричали они, догоняя впереди бегущего.

— Скорее! Скорее! — кричал тот и показывал на
шку леса.

Опоздали казаки. Не застали в живых своего гене-

рала. Мертвый лежал он на опушке леса. Пулеме
очередь сразила его. Рядом стрелял с колена кон
Акопян. Он был без шапки и рукавиц. Они валялись
одаль, разбросанные по снегу. Глаза Акопяна свер
дикой яростью. Лицо пылало, как в жару, и по
лились слезы. Коновод стрелял по сараям, из кот
вели огонь немецкие пулеметчики.

Страшные в своем горе, казаки пошли в атаку
Палашкино. В пешем строю окружили они деревн
молча, с шашками в руках бросились на дома, в к
рых засели немцы.

А потом по этой самой затихшей улице Акопян
вел под уздцы боевого коня, запряженного в шир
русские розвальни, на которых лежал закута
в бурку прах генерала.

— Жизнь короткая, а слава будет долгая, — по
ряли в этот день казаки любимые слова Доватора.

★

